

Не успели мы остановить и связать караван, как от разбойничьего стойбища немедленно отделилось несколько десятков с ног до головы вооруженных всадников, стремительно понесшихся на нас в атаку. Справа, на отличном скакуне, выделялся начальник отряда — повидимому ловкий наездник. Нападение было совершенно неожиданным... В следующую минуту с нашей стороны выступило несколько проводников-туземцев, догадливо решившихся встать между тангутами и русскими дабы предотвратить кровопролитие. Произошло невольное замешательство. Тангуты придержали коней и в ожидании выстроились в ряд, гордо подняв пики частоколом.

Я осведомился, с кем имею дело, и получил ответ, что собравшиеся негодяи представляют из себя эскорт одного из гэгэнов; сейчас они выехали к нам навстречу якобы для того, чтобы узнать намерение русских. Не доверяя ни одному слову предателей, я предложил им выделить из своей среды двух-трех человек — старших тангутов, для беседы со мною. На мое предложение не замедлил откликнуться сам начальник большого, в двести пятьдесят палаток, хошуна, Чэма, по имени К'гарма — человек китайского типа, в больших очках, явившийся к нам на белой лошади, в сопровождении своего красавца сына и приближенного советника. Пригласив гостей в палатку, мы угостили их спиртом, до которого все оказались большими охотниками¹⁾, и поднесли им подарки. Старший чиновник получил кусок парчи, сын его — охотничий нож, советник — красную флягу «царского пороха», а отсутствовавшей супруге старика я просил передать кирпич чая... Но ни подарки, ни угощение не смягчают разбойничьих нравов. Сказав похвальное слово по поводу подарков и принеся мнимое уверение в дружбе, тангуты кончили тем, что взяли с нас за продовольствие, животных и проводников еще более недобросовестную плату, чем их предшественники. Выяснилось, что и здесь, как вообще всюду на

Га-у (Амдо).

¹⁾ Любопытно вообще, что среди амдо'сцев пьют все — не только мужчины и женщины, но даже и дети, которых родители всегда угощают, под предлогом «попробовать».